

Уильям Палмс

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДОРОТИ ЛАУСОН ИЗ СЕНТ – ЭНТОНИ БЛИЗ НЬЮКАСЛА – НА – ТАЙНЕ*

Посвящение

Госпожа¹,

Тяжелые времена и неумелое перо не годятся, чтобы собрать и опубликовать рассказы, которые утешат живущих и почтут мертвых. С этими двумя недостатками вы сталкиваетесь, получив мои воспоминания о достойной подражания жизни миссис Дороти Лаусон (некогда моей духовной дочери, а сейчас, я надеюсь, моей ревностной заступницы) не только из вежливости, но и в уплату долга, который я имею в отношении вашего сиятельства. Желаю, чтобы ее святое заступничество побороло скуку, вызванную усилиями этого писателя, и смягчило дерзость, с какой я обращаюсь к вашему милостивому покровительству, моя добрая госпожа. Три обстоятельства побудили меня представить на ваш суд это несовершенное произведение.

---

* Перевод выполнен по изданию: Palmer W. The Life of Mrs. Dorothy Lawson / Ed. by G. B. Richardson. Newcastle-upon-Tyne, 1851.

1 Мэри (в монастыше Мария) Роупер (1598–1650), дочь лорда Кристофера Роупера, барона Тейнэма, и Кэтрин, урожд. Сиборн. В 1618 г. приняла постриг в английском бенедиктинском монастыре в Брюсселе. В 1624 г. с группой сестер основала бенедиктинскую обитель в Генте, где и провела оставшиеся годы жизни. Занимала посты келарницы, ризничей, наставницы послушниц, главы капитула, приорессы и аббатисы (в 1642–1650 гг.). Мария Роупер была аббатисой гентского монастыря, когда там приняли постриг дочери Дороти Лаусон Мэри и Маргарет.

Первая причина — в симпатии, обусловленной родством и происхождением от благородных предков; вторая — близкое сходство, какое я могу назвать духовным родством, основанным на похвальной рассудительности, мудрости и благородстве вашего управления своей монашеской семьей, проявлявшихся и в ней, как я знаю из своего семилетнего опыта, по отношению к тем, кто зависел от нее, к ее собственному благу и утешению всех, имевших счастье жить с ней. Третья причина — в ее смиренной привязанности к вашему монастырю; не будучи в состоянии отдать ему всю себя, она посвятила ему часть себя в детях². Все это, несомненно, породит неразрывные узы между вами, когда заслугами Того, кто породил все на земле, вы встретитесь как сестры и обниметесь в небесах. Мой побудительный мотив (и в самом деле понуждающий меня) заключается в том, что вы — вторая мать ее дочерям и внукам. От первой вы отличаетесь тем, что она естественным образом хранила их детство и отрочество, тогда как вашими усилиями они обретут, испытав осень, предписанную всем Творцом жизни и смерти всего природного, неувядающую весну благодати и совершенства в добродетели. Таким матерям не приходится сомневаться в благословении, обещанном в 10 главе Притч: *Filius sapiens laetificat patrem*, Сын мудрый радуется отцу³. Я же могу пообещать, что в этой истории нет ни строчки (за исключением упоминания о месте ее рождения, которое мы знаем всего лишь приблизительно по прошествии времени), какую я не был бы готов подтвердить клятвой. Я могу также свидетельствовать, что если бы эта книга оказалась в руках остроумца, она не уступила бы многим опубликованным.

---

2 У Дороти было как минимум четырнадцать детей, три дочери стали монахинями (подробнее см. ниже, примеч. 49)

3 Притч. 10:1.

Примите же, прошу вас, это сердечное подношение от того, кто всегда желал вам и вашим подопечным преуспеяния. Я же молю Бога о том, чтобы, поскольку вы — вторая мать дочерям этой счастливой святой, Он продлил вашу жизнь, и вы увидели в них вестниц, готовящих второй матери престол в небесах.

Слова истекают из сердца,
Госпожа,
Вашего смиреннейшего слуги
Уильяма Палмса⁴.

Глава I.

Слава детей — в их родителях, говорит мудрец, и не только потому, что в их жилах течет та же кровь, что и в их предках, но главным образом потому, что, благодаря особому воздействию или отражению, их слава сияет в потомстве, которое естественным образом сопричастно заслугам родителей. Неопровержимое свидетельство автора, вдохновленного непогрешимым духом истины, должно внести немалый вклад в восхваление безупречной драгоценности, о которой я собираюсь говорить.

Дороти произвела первый вздох в Уинге в Бекингемшире⁵, в доме, принадлежавшем ее деду Дормеру⁶, в 1580 году

-
- 4 Уильям Палмс или Палмер (1591–1670), уроженец Линдли в Йоркшире, выпускник Английской коллегии в Риме (1618), был рукоположен и вступил в Орден иезуитов (1618), стал полноценным членом ордена (профессом) в 1631 г. Работал в Англии как миссионер. Подробнее см. вступительную статью.
  - 5 Уинг — манор в восточном Бекингемшире, близ города Эйлсбери. Приобретен прадедом Дороти Лаусон, сэром Робертом Дормером (1486–1552) в 1515 г.
  - 6 Дед Дороти, сэр Уильям Дормер (ум.1575), к моменту ее рождения уже умер, а домом владел ее дядя, сэр Роберт Дормер (1551–1616), с 1615 г. — барон Дормер.

от рождества Господа нашего. Ее отцом был Генри Констебл⁷, лорд Бёртон Констебла⁸ в Холдернессе⁹, который имущественно и знатностью не уступал никому в Йоркшире. Положение этой семьи на протяжении веков равнялось баронскому, по законным правам и величине владений, и вплоть до наших печальных времен было столь высоким, что младшие братья из лучших семей почитали за честь быть воспитанными как дворяне свиты Констеблом. Права их были настолько обширны, что включали в себя привилегию лорда Констебла иметь вассалов или слуг и принимать присягу как их природный господин, даруя им содержание и облачения в соответствии со своей властью¹⁰. Мать Дороти, леди Маргарет Констебл¹¹, цветущая ветвь от почтенного дома Дормеров, графов Карнавонов¹², была редким цветком, одаренная внутренними добродетелями и внешней красотой, величественная, высокая ростом, держалась любезно, белокожая с алым

-
- 7 Сэр Генри Констебл (1557–1607), сын сэра Джона Констебла и его первой жены Маргарет (урожд. Скроуп, дочери лорда Скроупа из Болтона), член парламента от Хидона и графства Йоркшир (1584, 1586, 1589, 1604), шериф Йоркшира (1586).
  - 8 Бёртон Констебл — манор в восточной Йоркшире, близ Халла, с XII в. принадлежал семье Констебл.
  - 9 Холдернесс — территория в Восточном Йоркшире между рекой Халл и Северным морем.
  - 10 Со времен Нормандского завоевания существовал титул лорда Холдернесса. С конца XIII в. этот титул вернулся английской короне, а позднее был пожалован графу Уэстморленду. Сэр Джон Констебл приобрел титул и земли у Генри Невилла, 5-го графа Уэстморленда и отца его второй жены Кэтрин (урожд. Невилл).
  - 11 Маргарет (ум. 1637), младшая дочь сэра Уильяма Дормера и его второй жены Дороти (урожд. Кейтсби).
  - 12 Лорд Роберт Дормер из Уинга (1610–1643), внучатый племянник Маргарет Дормер, сын сэра Уильяма Дормера и Элис (урожд. Молинекс), получил титул графа Карнарвона в 1628 г. На момент написания биографии Дороти Лаусон этот титул носил его сын Чарльз Дормер, 2-й граф Карнарвон (1632–1709).

румянцем, изящная и столь привлекательная своими изысканными манерами, что ее звали звездой двора и зеркалом всей страны. У этой несравненной пары родилась наша божественная Дороти, в чьем имени был заключен дар Божий (Доротея, *Donum Dei*), истинная дочь таких родителей, не только по сути своего характера, в каком заключается неуничтожимое родственное сходство, но и по сходству в совершенстве; его портят лишь болезнь или смерть, но скорее — набрасывают вуаль, чтобы оно с новой свежестью воссияло в час всеобщего воскрешения.

Но что это прибавляет к ее добродетели, ибо подобно тому, как золото, извлеченное из земли, землей не является, так и олово — из серебра, но не серебро. Разве помешало Аврааму то, что он был сыном идолопоклонника Фарры¹³, и помогло ли происхождение Хаму¹⁴? Побег оценивают по плодам, и, если плод хорош, никто не сомневается в ветви. Признаю, я бы потерялся в темном лабиринте, если бы у меня не было доброго проводника, так что я, как Тесей, иду по нити Ариадны. Ибо, как говорит мне Св. Амвросий¹⁵, нет гарантий в наследовании или родстве, “*nulla in successione prerogativa*”. Тот же автор говорит: “*hoc boni habet nobilitas, ut ab iis, a quibus ducunt genus, ducant etiam exemplum*”¹⁶. Благородство и древнее происхождение хорошо тем, что дети могут научиться

13 В Библии отец Авраама Фарра (Фаррах) обозначен как служивший «иным богам» (Нав. 24:4).

14 Хам был сыном праведника Ноя, что не помешало ему согрешить (Быт 9:22).

15 Св. Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) — миланский епископ (374–397), проповедник и богослов.

16 Приписанная Св. Амвросию цитата принадлежит португальскому иезуиту Себастьяну Баррадашу (1543–1615), проповеднику и экзегету. Его перу принадлежит многократно переиздававшийся в Европе четырехтомный труд *Commentaria in concordiam et historiam evangelicam* (первое издание: Коимбра, 1599–1611). Приведенная в тексте цитата — из тома II, гл. XI.

жить хорошо у тех, кто их породил, а хорошие и дурные привычки, усвоенные в юности, обычно в старости становятся второй натурой.

Это создание столь явно напоминало мать (ибо именно этот пол обычно проявляется в женском потомстве) статью, голосом, сложением, изяществом и другими чертами, нарисованными чудесной рукой природы, что дамы различались только возрастом, так что описать дочь значило бы повторить мои похвалы матери. Однако ее лучшим наследием или чертой, была та, которую не могли испортить морщины, болезнь — разрушить, а смерть — уничтожить, а именно, совершенные добродетели ее благочестивой матери: постоянство в религии, во имя которой она, подобно золоту, отлитому в печи, пострадала в долгом заключении¹⁷, щедрость к добрым делам, рвение к чести Господней, подражание лучшим католикам, введение в заблуждение еретиков; дозволение приходить в ее часовню даже во времена величайшей и обучение ее рассудительности и самообладанию.

Эти примеры оставили столь глубокий отпечаток в ее юные годы, что благодать и природа соревнуются за большую долю. Посреди придворных развлечений она искала уединения дома, как Св. Екатерина¹⁸, в тиши своего сердца; когда она выходила из дома, то никогда не уединялась больше, нежели, когда была в обществе, и никогда не пребывала одна наедине с собой. Тем не менее, она скромностью и другими

---

17 Леди Маргарет Констебл была ревностной католичкой и отказывалась посещать богослужения в приходской церкви, как то предписывал статут 1559 г. Ее многократно признавали виновной в нарушении закона, за что ее муж был обязан выплачивать крупные штрафы. А в 1593 г. ее арестовали, и она провела несколько месяцев в заключении в Йоркском замке.

18 Св. Екатерина Александрийская (III в.) — христианская мученица. Считалось, что она была дочерью римского правителя Александрии и бывала при дворе императора.

несравненными добродетелями имела притягательную силу, привлекая любопытные взгляды сильнее, нежели те, кого справедливо считали дерзкими, а теперь, по здравом рассуждении, скорее нахальными, нежели мудрыми, но кто по испорченности нашего времени почитаются хорошо воспитанными дамами. Один из джентльменов, прославленных богатством и положением, Роджер Лаусон¹⁹, эксвайр, сын и наследник сэра Ральфа Лаусона²⁰ из Бру²¹ в Ричмондшире²², дал понять о своих намерениях заключить почетный брачный союз. В своей скромности Дороти так мало склонялась к браку, что только убеждения родителей заставили ее выйти к нему, и каждый раз, когда она слышала его имя, девственный румянец окрашивал ее щеки. Тогда наше несчастное, больное королевство не имело, в отличие от нынешнего времени, монашеских убежищ, подходящих для всех сословий, и поэтому родители, поразмыслив, решили выделить дочери приданое, подобающее ей по рождению и состоянию. Мистер Лаусон был знатного происхождения, наследник поместья с годовым доходом, насколько мне известно, в три тысячи фунтов стерлингов, хорошо показал себя во время ухаживания, в уме был хорошо расположен к религии, без дурных привычек и (что обычно оказывается решающим в делах такого рода) давал множество доказательств искренности своей любви. Родители любезно убедили Дороти бросить якорь в этой гавани, где, под водительством главного кормчего и звезд,

---

19 Роджер Лаусон (1571/1573–1614) — старший сын сэра Ральфа Лаусона и Элизабет, урожд. Бру, эксвайр, юрист, член юридической корпорации Иннер Темпл.

20 Ральф Лаусон (1547–1623) — сын и наследник Эдмунда Лаусона и Маргарет (урожд. Свайноу), владелец маноров Байкер и Крамлинтон (Нортумберленд) и Бру или Бург (Йоркшир). В 1603 г. посвящен в рыцари Яковом I.

21 Бру(Бург)-и-Сент-Джайлс — манор в Ричмондшире, близ Бромптона.

22 Территория в Северном Йоркшире, королевский домен.

благосклонных ко всем морякам — я имею в виду Христа и его славную Мать — ее корабль избежал бы жизненных потрясений и с попутным ветром устремился бы в тихое будущее.

Одно такое слово для девушки ее характера равнялось тысяче, сказанной особе другого склада. Когда ей исполнилось 17 лет, в ее уме сложилось благоприятное мнение, и девушка скромно ответила, что раз уж она их по рождению, то надеется остаться покорной им по благодати, и потому их желание для нее закон, и то, что им угодно приказать, она со всем желанием примет как путь, указанный Провидением. Она признавалась мне, что повиновение родителям было главной и единственной причиной ее согласия (хотя у ее жениха были все качества совершенного объекта любви), что ни в коем случае не противоречило тому, что его добродетель должна была вести ее в паломничестве жизни. Поэтому после подобающих выражений ее подчинения, последовала свадьба, которую вскоре отпраздновали с обычными поздравлениями друзей и роскошью, во всем подобавшей их положению²³.

Глава II.

Ее добродетельное поведение после свадьбы, когда она жила в Бру

После свадьбы Дороти отвезли из Уинга в Бёртон, со множеством церемоний, и она держала себя как прекрасная невеста, но, если мы можем верить похвалам смиренной души (что вместе с моими словами обвиняют уличают клеветника), она так же устала от всего этого, как в детстве уставала от букваря или вышивания. Она оставалась в Бёртоне, пока с поздравлениями не явился весь Холдернесс: одни — как друзья и

---

23 Брачный договор Роджера Лаусона и Дороти Констебл была датирован 10 марта 1598 г.

союзники, другие — как слуги и вассалы, но все вместе вносили свою лепту в торжества. Из Бёртона она отправилась в Бру с большей свитой, чем раньше: но еще больше увеличилась она в Лимане — деревне в шести милях от конечного пункта ее путешествия. Там ее остановил сэр Ральф Лаусон. Он, приблизившись (на зависть другим) в сопровождении сотни всадников, приветствовал ее по обычаю королевства, но удивительным образом, не позволив ей спешиться. Затем он сам снял ее с лошади, дал свое благословение, о котором она смиренно просила, встав на колени в дорожной пыли, и сам посадил ее в седло белоснежного коня под алой попоной, расшитой жемчужными изображениями лебедей и горностаев — то были гербы Лаусонов и Бру, на наследнице которых был женат сэр Ральф. После этих любезных приветствий он обратился к ее отцу, которого до этого словно бы не заметил, и остальным сопровождающим с приветственной речью, исполненной риторических фигур, какие только позволяло его остроумие, усовершенствованное лучшим английским воспитанием. Она скакала между этими двумя рыцарями — отцом справа и свекром слева, подобная Эсфири²⁴ или принцессе, а не подданной или супруге эсквайра, пока не прибыла на лужайку перед Бру-холлом²⁵. Там Дороти ждал второй залп церемоний, устроенных ее свекровью, леди Лаусон²⁶, которая приветствовали ее как самую желанную гостью, какую когда-либо принимали в доме. Чтобы внешне выказать то, что ее на самом деле раздражало, она сама и три ее дочери,

24 Библейская царица Эсфирь в эпоху Реформации была символом праведной правительницы и защитницы истинно верующих.

25 Бру-холл — дом в маноре Бру. Возведен в XV в., многократно перестраивался и расширялся.

26 Элизабет Лаусон, урожд. Бру (1544–1623), дочь и наследница Роджера Бру и Элизабет (урожд. Чамбер).

леди Рукби²⁷, миссис Инглби²⁸ и миссис Джейн Лаусон²⁹ облачились в белый атлас. Остальные леди, великие числом и знатностью, нарядились в платья, сшитые для этого праздника. Среди этих искушений, приятных для ощущений и разрушительных для духа, способных отвлечь даже уравновешенный ум в юности, Дороти шествовала, видя Бога перед глазами, а сердце ее было настолько прочно устремлено к Нему, что ее не могли свернуть с пути множество новых знакомых, не утомили трудности путешествия, и даже привязанности мужа (которая поначалу кажется раем) не удалось настолько завоевать ее мысли и чувства, чтобы она забылась, но ей удалось улучшить время и посетить вечерню, а затем вопросить совесть³⁰, что она делала каждый день с тех пор, как выросла, не пропустив ни дня.

Если кто-то удивляется, каким образом я узнал эту тайну, пусть знают, что она взяла за духовное правило открывать

-
- 27 Женой Томаса Рокби из Мортэма в Йоркшире была Джейн, старшая дочь Ральфа и Элизабет Лаусон.
- 28 Элис Лаусон, вторая дочь Ральфа и Элизабет Лаусон. Жена Томаса Инглби из Локленда.
- 29 Согласно признанию издателя рукописи, текст читался как «миссис Джеймс Лаусон». Он не сумел идентифицировать женщину, так как единственный Джеймс Лаусон, о котором он знал, был младший сын хозяев дома, который в 1598 г. еще не был женат, и решил, что речь шла о Джейн Лаусон, младшей дочери Ральфа и Элизабет. В печатной версии текст был исправлен в соответствии с этим допущением; из-за этого многие исследователи считали, что женой Рокби была младшая дочь Лаусонов Маргарет. Однако в тексте, вероятнее всего, идет речь о двоюродном брате Ральфа Джеймсе Лаусоне (ок.1568–1631) из Нешэма, которому в 1598 г. было уже около 30 лет. Его женой была Джейн (1570–?), дочь сэра Джона Коньерса из Сокберна в Дарэме.
- 30 Вопрошание совести — распространенная в XVI в. и позднее благочестивая практика, призванная помочь христианину осознать свои грехи и тайные побуждения и подготовиться к исповеди и покаянию. Иезуиты поощряли свою паству регулярно вопрошать совесть, хотя ежедневное обращение к этой практике было редкостью.

исповеднику свои добродетели и недостатки, чтобы получить лучшие наставления. А если кто знает меня, то скорее удивится тому, что после семи лет, которые я имел счастье провести в ее обществе, я не продвинулся больше в духовном совершенствовании благодаря ее добродетельным беседам, и множеству побудительных примеров, поощрявшим к совершенству и искоренению греха. Лишившись теперь этого счастья, ибо она покинула общество грешников ради святых, я немало утешен (это часто с радостью приходит мне на ум), что за все время, что я пекся о ее душе и направлял ее, мне не в чем было упрекнуть себя — что я ей чего-то не сказал, или сказал бы, если бы она оказалась жива.

Когда продолжавшиеся неделю праздники закончились, и дела потребовали присутствия свекра и мужа в Лондоне³¹, Дороти пришла к леди Лаусон с духовной жалобой: пока ее тело пировало, душа постилась. Восхитительное рвение в таком юном возрасте, в опасные времена и посреди многообразных развлечений! Дороти по природе была такой скромной, что по словам наблюдавших ее, не могла набраться смелости попросить собственных родителей о чем-либо, относившемся к ее телу, но после десятидневного знакомства набралась храбрости обратиться к свекрови ради пищи для души. Добрая дама воодушевилась от просьбы Дороти, но отвечала, что не знает, ни где найти священника, ни как его принять (все ее слуги починялись времени³²). Но *может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?* — Притч.6.27. Рвение Дороти в то время можно сравнить с солнцем, которое

31 Сэр Ральф и Роджер Лаусоны были юристами, поэтому их присутствие часто требовалось в столице, где обычно заседали все королевские суды.

32 «Подчинение времени» у Палмса подразумевает подчинение закону и посещение приходской церкви, хотя за таким поведением могло скрываться как полное обращение в протестантскую веру, так и крипто-католичество.

светит, движется и возрастает к полудню. Холодность этого ответа ничуть не уменьшила ее желания, и не потому, что в природе женского пола больше всего желать именно самого трудного, но подобно тому, как вода, разбрызганная по горячим углям, делает их еще горячее. Поэтому она, пылая божественным пламенем, разжегшим ее мужской дух, как ни в чем не бывало ответила, что знает, где найти священника и, с дозволения леди Лаусон, пошлет за ним и примет его. Отметьте, прошу вас, как изобретательна истинная любовь, полная измышлений ради собственных планов, когда посреди развлечений, масок, пьес, состязаний и развлечений, устроенных исключительно ради нее, ее сердце было там, где сокровище ее, а ее душа подвигалась святой любовью, царившей в ней.

Она тайно договорилась с мистером Энтони Холтби, джентльменом из свиты ее собственного отца³³, и братом мистера Ричарда Холтби, супериора Общества Иисуса³⁴, кто жил всего в четырех милях от Бру, чтобы Энтони остался после отъезда отца, и послала его к брату узнать, приедет ли он к ней, если его пригласят. Как только Энтони привез ответ, что его брат — к ее услугам, Дороти, в распоряжении которой было три комнаты в этом прекрасном доме, подготовила один из своих собственных покоев и затем вновь послала мистера Холтби как проводника для брата. Она принимала

---

33 Энтони Холтби, сын Ланселота Холтби из Фрайнтона (Йоркшир) и Элен (урожд. Батлер), был вассалом и джентльменом свиты сэра Генри Констебла и жил в Холдернесе.

34 Ричард Холтби (1553–1640) — младший брат Энтони, учился и преподавал в Оксфорде, затем в Английской коллегии в Дуэ; был рукоположен в 1578 г. и вскоре отправлен в качестве миссионера в Англию. В 1583 г. вступил в Орден иезуитов; провел годы новициата в Вердене, затем изучал теологию в Пон-а-Муссоне и вернулся в Англию в 1589 г., где и оставался до конца жизни, занимаясь миссионерской деятельностью. В 1606–1609 гг. и позднее занимал должность супериора (superior), т.е., возглавлял английских иезуитов, нелегально работавших в Англии.

джентльмена в своих покоях неделю, его комнату убирали и приносили еду она сама и ее служанка, единственные католички среди слуг.

Такая храбрость воодушевила добрую леди Лаусон, так что если раньше она отправлялась в другие дома радо божественной литургии, то потом, пока ее невестка жила с ней, она устраивала службу в своем доме каждый месяц.

Солнце великолепных добродетелей не замерло на небосклоне в тот момент, оно проявилось дальше в ее усердии в обращении всех шести детей сэра Ральфа³⁵, а число слуг, разделявших веру Христа, увеличилось до шести. Это случилось в конце правления королевы Елизаветы³⁶, когда обращавших в католическую веру — если их арестовывали — карали смертью, согласно статуту, принятому при этой правительнице³⁷. Поэтому, пока преследования были суровыми, обращения были редкими, и совершали их только те, кому Бог даровал храбрость сказать: «крепка как смерть любовь» (Песн.8:6). Но в правление ее милостивых преемников пришло больше спокойствия и умеренности, и католиков стало больше. Однако подобно тому, как свобода порой порождает распущенность в людях и их манерах, нам, если, следуя ее святым путям, мы вовремя не обуздаем себя, поистине стоит опасаться слов святого пророка: «Ты умножил народ, но не увеличил радость его»³⁸.

35 У сэра Ральфа и Элизабет Лаусон были три сына — Роджер, Генри и Джон, и три дочери — Джейн (Рокби), Элис (Ингльби) и Маргарет.

36 Елизавета I Тюдор (1533–1603), королева Англии в 1558–1603 гг.

37 Согласно статуту, принятому парламентом в 1585 г., укрывательство католических священников влекло за собой обвинение в государственной измене.

38 Ис 9:3.

Глава III.

Рвение Дороти к религии в Хитоне³⁹, от ее приезда туда и до смерти мужа.

Бёртон и Уинг известны и славны редкими женщинами, и всемогущая длань Господня не поскупилась здесь, щедро оделив Дороти светскими и духовными благами. Она плодотворила словно щедрая лоза, овивающая боковую стену дома (именно так располагались ее покои в Бру) и произвела на свет так много прекрасных побегов, что пришлось либо расширять старое здание, либо строить новое. Просто расширить дом, добавив новые покои не подобало рангу сэра Ральфа. Его дом, хотя и величественный, едва ли позволял устроить обычный прием для друзей. Потому муж Дороти выбрал Хитон в Нортумберленде, близ Ньюкасла, а поскольку его отлучки в Лондоне не позволяли ему уделять внимания этому делу, он вверил его планирование и исполнение усмотрению и усердию жены. Она же с радостью взялась за дело и разумно исполнила его.

В отличие от других мирян, она не отводила светским делам первое место в своих мыслях, а духовным последнее. Осмотрев все строительство и поняв, как обустроить жилище в соответствии с их тогдашним доходом, она вознамерилась, прежде всего, приготовить дом для Бога, и сделала это в лучшем стиле. Каждый месяц она тайно принимала священника, однако, чтобы замаскировать это и порадовать мужа, подчинявшегося времени, она ежемесячно уезжала из дома, как если бы у нее дома не служили мессы. Ее второй важной целью было нанять слуг-католиков, и она сделала это так искусно — шаг за шагом, нанимая одного за другим, но не в коем

---

39 Хитон в XVI–XVII вв. был манором на высоком берегу при впадении Узборна в реку Тайн. Сейчас — один из центральных районов Ньюкасла.

случае не двух за раз — что ее муж, наполовину в шутку, сказал ей: его свита стала папистской прежде, чем он это заметил. Тем не менее, она была вынуждена приводить священника в дом ночью и размещать его в комнате, которая, чтобы отвести подозрение, с разрешения мужа предназначалась только для того, чтобы дети произносили там молитвы. Дети же, ее неусыпными стараниями, все были воспитаны католиками, получили основательные наставления в христианском учении или принципах веры, и, поскольку муж еще чаще, чем раньше, бывал в Лондоне по судебным делам, оказывались в обществе священника так часто, что хозяйка того дома, где тот жил постоянно, была охвачена святой ревностью и опасалась, что он оставит ее и поселится в Хитоне.

Сын Ральф более всех детей⁴⁰ являл ее добродетель. Он был красавчиком и блистал дарами, какими его щедро наделила природа, так что королева Анна⁴¹, побуждаемая молвой о его совершенстве, послала за ним и, посадив на колени, поцеловала и почтила малыша званием красивейшего ребенка, которого она когда-либо видела. Несмотря на это, Дороти, в отличие от многих глупых матерей, не пожелала превращать его в зеркало или постоянно любоваться им, но, любя его в Боге, у кого она только позаимствовала сына на время, она добровольно отдала его Богу, и, как только позволил возраст, отправила его получать образование в Дуэ⁴², где Господь принял ее дар и, спустя некоторое время, проведенное в учении и

40 Ральф Лаусон (ум. 1612) — один из четырнадцати детей Роджера и Дороти Лаусонов. Учился в Английской коллегии Дуэ и предназначался для духовного звания, хотя умер, не закончив курса, до рукоположения.

41 Анна Датская (1574–1619), дочь датского короля Фредерика II и его супруги Софии Мекленбургской, с 1589 г. жена Якова VI и I, короля Шотландии (1567–1625) и Англии (1603–1625).

42 Английская коллегия в Дуэ — семинария для подготовки католических священников для миссии в Англии, основанная Уильямом Алленом в 1568 г.

обретении добродетели, взял к себе и возвел в его наследие. Тогда началась первая из перенесенных ею битв между природой и благодатью. И хотя этот несчастный случай имел своим естественным последствием страдания, вызванные материнской любовью, они сдерживались превосходящей силой благодати, как станет ясно из последующих глав. Много было дано за верность в малом⁴³, что объясняет перемены, которые она принесла в Хитон: я имею в виду, в душах человеческих. Там она, подобно солнцу во чреве матери всех смертных, породила серебро, золото и драгоценные камни, растопила теплом и божественным огнем тех, кого заморозил лед упорства, осветила небесными лучами омраченных невежеством, оделила нуждающихся милостыней, собственной рукой крестила детей, которым при родах грозила смерть, а также — и это Св. Дионисий⁴⁴ считает высочайшим из божественных служений, и наиболее угодным Царю Небесному — обращала души в истинную веру, и с таким успехом, что многие, более сотни, примирились с церковью ее стараниями. Всех их, как благочестивая мать, она старательно питала духовной пищей вне дома, а в своих собственных стенах не могла этого делать. После того, как она провела годы как Никодим⁴⁵, служа Богу ночью, тайком, Господу было угодно послать ее мужу в Лондоне опасную болезнь. Тот, опасаясь, что болезнь приведет к его смерти, как и случилось, немедленно послал за женой. Она же, беременная, подчинилась его приказу и, наполненная благодатью духа, который не знает задержек, отправилась в путь на следующий день после

---

43 Мф 23:25.

44 Св. Дионисий Ареопагит (I в.), епископ Афинский. Здесь имеется в виду Псевдо-Дионисий Ареопагит — греческий монах и богослов V–VI вв., автор сочинений, известных как *Corpus Areopagiticum*.

45 Никодим — фарисей, тайный ученик Христа (Ин. 3:2-18, 7:50-52, 19:39).

получения его письма, зимой, что было опасно для женщин в таких обстоятельствах.

Как только она завершила опасное путешествие, то сразу после нежных приветствий их первой встречи муж попросил ее найти ему священника. Дороти немедленно занялась этим со всей поспешностью, не отговариваясь затруднительностью дела или усталостью с дороги, и в тот же вечер привела священника, который со всеми обрядами и церемониями католической церкви подготовил мужа к счастливому переходу из этого мира в иной. Во время последней болезни мужа, продолжавшейся две недели, Дороти не жалела ни денег, ни усилий ее собственного тела, слабого, деликатного сложения и склонного к чахотке. Она не ложилась в постель, но сидела рядом с ним каждую ночь без перерыва и отдыха, за исключением тех минут, когда она присаживалась в кресло, принужденная к тому усталостью и несовершенством природы.

В конце концов, от любящей, верной долгу жене нельзя было потребовать большего, чего она уже не попробовала ради его выздоровления, насколько это было в ее силах. А когда милостивая рука Господа избавила мужа от страданий, забота жены соответствовала ее любви и его заслугам: она распорядилась поминками и похоронила тело со всеми церемониями, какие подобали его положению, раздавая милостыню и позаботившись о молитвах о вечном счастье его души⁴⁶.

Горе от потери дражайшего супруга так подействовало на ее жизненные органы, что ей пришлось задержаться в городе на несколько дней после похорон, не ради церемоний, но чтобы собраться и силами и подкрепить дух, и как только она пришла в себя, то, охваченная желанием утешить детей, потерявших отца, поспешила домой со всей возможной скоростью. Там она

---

46 Роджер Лаусон скончался в Лондоне в конце 1613 или в начале 1614 г.

собиралась провести остаток жизни как одинокий воробей, жмущийся к скале, или овдовевшая черепаха, у которой бывает лишь один супруг, и поклялась никогда не знать другого.

Глава IV

Как по возвращении домой возросло ее рвение к детям и соседям

За обетом провести остаток жизни в ангельском целомудрии, о котором говорилось в конце последней главы, последовали другие обещания и героические подвиги добродетели. Как только она вернулась домой и смогла распорядиться собой, она поместила в своем доме одного иезуита, Легарда⁴⁷, и, благодаря его постоянным советам и помощи, совершенствовалась с каждым днем и не только в собственной добродетели, но стала заметно активнее в отношении детей и соседей. Она была совсем не обескуражена или разочарована (будучи по природе пассивной) успехом своего сына в семинарии Дуэ, мудро восхваляя прекраснейшую жизнь, бедную днями, но богатую заслугами, она направила остальных своих детей, числом дюжину (за исключением наследника⁴⁸, на которого была возложена надежда продлить древний род, и двух дочерей⁴⁹, одна из которых была больна, а другая не

---

47 «Легард», скорее всего — псевдоним. Идентифицировать этого иезуита до сих пор не удалось.

48 Старший сын Роджера и Дороти — Генри Лаусон (ок. 1599–1636). Был женат на Энн (урожд. Ходжсон, 1596–1663), дочери Роберта Ходжсона из Хиборна и Фрэнсис (урожд. Инглби). Еще один из восьми сыновей был офицером-роялистом и погиб в феврале 1645 г. в сражении при Мелтоне Маубрей (Лестершир), в котором отряд роялистов под командованием сэра Мармадюка Лэнгдейла нанес тяжелое поражение войскам парламентариев.

49 У четы Лаусонов было шесть дочерей. Три из них стали монахинями. Старшая, Дороти (1600?–1628), в 1618 г. принесла обет в английском конвенте Св. Моники (августинок) в Лувене. Еще две сестры приняли постриг в английском бенедиктинском монастыре в Генте. Первой, в 1626 г.

подходила из-за юного возраста) в коллегии и монастыри, женские и мужские, с подобающим содержанием, в соответствии с их призванием. Не покажется невероятным, что она с такой легкостью отдала их Богу, если мы вспомним о примерном благочестии, с каким она воспитала их. Ведь другие матери в то время, в соответствии с природными склонностями, больше всего привязаны к маленьким детям. Она же, думая больше об их духовном благе, нежели о своем чувственном довольстве, посвятила каждого особому святому, чтобы тот защищал их как покровитель от всех несчастий и позаботился о них перед Господом от ее имени. Я никогда не слышал (а в этом отношении я был очень любопытен), чтобы она выразила больше чувств, расставаясь со столь многими из детей, которых она ценила и любила так сильно, что не могла вынести минуты, не видя их, кроме как пролив одну прозрачную слезу, которая вытекла из ее правого глаза, когда она отправляла своих близнецов в Гент⁵⁰. В счастливой жизни Дороти эту слезу можно уподобить небесной росе, упавшей на жезл Аарона и превратившей его за ночь в живое дерево⁵¹. Некоторые, пожалуй, возразят, что все это не добавляет величия и истинности ее любви, какая может показаться смесью любви к себе — естественное стремление к благу для детей, которые суть части ее самой, и истинной любви, а солнце беспристрастно освещает все.

приняла обет Маргарет (1607–1672, в монастыре Гертруда), а за ней в 1631 г. последовала Мэри (1610–1672, в монастыре Бенедикта). Остальные дочери (Кэтрин, Элизабет и Энн) остались в Англии. Две из них позднее вышли замуж: Элизабет — за сэра Джона Йорка, а Энн — за Генри Уидрингтона.

50 Один из сыновей Дороти стал монахом-бенедиктинцем. Вероятно, его в отрочестве отправили учиться в монастырскую школу вместе с братом-близнецом, который не прошел новициата (причина неизвестна).

51 Чис. 17:1-8.

На это я отвечаю: она должна благодарить противников за это возражение больше, чем мое занудство, хотя я и обязан ей более всего. Ведь когда я показываю эту добродетель одним примером, они выстраивают связь или цепь добродетелей — то есть, благочестие и любовь к детям, которые она проявила, обучив детей, щедрость в обеспечении их, умерщвление плоти, ибо она отрывала от себя, оставляя им, и то, что Св. Дионисий называет высшей любовью, укрепление себя, когда она расставалась с детьми — драгоценными частями себя, которые были ей дороже себя самой благодаря соединению усилий благодати и природы.

К этой обязательной (как я сказал бы) степени любви она добавила вторую, дополнительную, и так заботилась о благе ближних, что, размышляя о святых прошлых веков, я могу ее сопоставить со Св. Григорием Чудотворцем, епископом Неокесарийским⁵², который, оставляя свою епархию, спросил, сколько в ней было неверных. Ему ответили — семнадцать, и он возблагодарил Бога, сказав: «Таково число верных в моем доме»⁵³. Однако, когда Дороти, апостольская душа, прибыла в Хитон, в приходе или округе была только одна католическая семья; литургическая утварь была только у нее, и ее перевозили от места к месту при необходимости. К тому времени,

---

52 Св. Григорий Чудотворец (ок.213–ок.270/75), епископ Неокесарийский, отец церкви, богослов.

53 Эпизод из Жития Св. Григория Чудотворца: «При кончине своей спросил он предстоявших: “Сколько еще неверующих в Неокесарии?” Ему отвечали: “Только семнадцать держатся идолопоклонения, весь же город верует во Христа”. Святый сказал: “Когда я пришел в Неокесарию на епископство, я столько же нашел христиан — семнадцать всего, а весь город был бесовский: ныне же, при отшествии моем к Богу, остается столько неверных, сколько вначале нашлось верных, весь же город Христов”» (Цит. по: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. — Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. III. Месяц ноябрь. С. 463).

когда Дороти ушла оттуда (или из Сент-Энтони⁵⁴, что практически одно и то же, потому что поместья граничат друг с другом) на небеса, там не было ни одной еретической семьи, и для литургии возвели шесть алтарей. Она была сеятелем этого урожая на земле, как Господь в ином мире, так что, несомненно, она пожинает плоды небесного изобилия.

Не должно здесь опустить, во славу Бога и его святых, деяние высшей любви, основанной на полном и глубоком смирении.

Брат ее мужа (из-за инфекции, полагаю, а не из-за беспорядочной жизни)⁵⁵ заболел такой заразной и отвратительной болезнью, что ни друг, ни чужак не приближались к нему. Узри истинную самаритянку! Она заботилась о нем, разместила его с собственном доме, послала за знающим врачом, наняла искусную сиделку для ухода и лишь с ее помощью все то время, пока он не поправился, что заняло три месяца, сама готовила ему еду и прибирала в комнате, не беспокоя никого из слуг. А успех этого трудного дела она приписала заступничеству Св. Франциска Ксаверия⁵⁶ и Св. Екатерины Сиенской⁵⁷, чьи примеры побудили ее предпринять его.

Всевидящее провидение Господне намеревалось вылепить этот мягкий ком глины (ибо в ней альфа и омега всей плоти), превратив его в еще более прекрасный сосуд чести и святости, послало ей более трудное испытание, чем раньше,

54 Сент-Энтони, в XVI в. — пригород Ньюкасла, сейчас — один из центральных районов города.

55 У Роджера Лаусона было шесть братьев; неизвестно, о котором из них идет речь.

56 Св. Франциск Ксаверий (1506–1552) — один из основателей Ордена иезуитов, уроженец Наварры. Проповедник, миссионер в Индии и Японии. Был канонизирован в 1622 г.

57 Св. Екатерина Сиенская (1347–1380) — сестра (терциарка) доминиканского ордена, визионерка и религиозная писательница, почитается как учитель церкви. Канонизирована в 1461 г.

позволив чуме прийти в ее дом. Как только Дороти об этом узнала, слова праведного Иова⁵⁸ всплыли в ее памяти, ранее наполненной утешительными мыслями, и она произнесла без колебаний: «Это случилось по воле Божьей, да благословенно будет Его святое имя». Затем она позаботилась о том, чтобы заболевших разместили с удобством, и она не доверила это заботам других, но сама занялась делом, а потом перевезла имущество и домочадцев в Асворт⁵⁹, в четырех милях от Хитона.

В тяжелое время болезни она, как отмечали, была веселее, чем раньше, каждый день отправляла слугу в Асворт навестить больных, и каждый час горячо молилась об их выздоровлении. Ее молитвы были милостиво приняты, благодаря заступничеству, как мы можем вообразить, Его славной Матери и Св. Роха⁶⁰, которых она избрала покровителями в этом деле, что никто не умер. Дороти придерживалась благочестивого обычая во всех важных делах, не полагаясь на свои заслуги и веря в эти благословенные души, просить их заступничества, обращаясь к ним со смиренными молитвами всякий раз, когда желала блага и защиты от зла для себя и других. Ее молитвы в этом и других случаях были действенными, и мы, несомненно, можем применить в них два золотых выражения учителя и ученика, Св. Августина⁶¹ и Св. Проспера⁶²: “Fideliter supplicans Deo pro necessitatibus hujus vita misericorditer

---

58 Иов. 1:21.

59 Асворт — манор южнее реки Тайн, сейчас — часть города Вашингтон.

60 Св. Рох (ок.1295–1337) из Монпелье — святой; ухаживал за больными чумой, сам заразился болезнью, но выздоровел. В католической церкви почитался как защитник от чумы.

61 Св. Августин (354–430), епископ Гиппонский — богослов и философ, один из отцов церкви.

62 Св. Проспер Аквитанский (ок.390–ок.460) — богослов и историк, ученик Св. Августина.

auditor”⁶³ — «Кто бы ни просил Бога о жизненно необходимом, будет услышан милостиво». Св. Августин. “Oratio pura Coelos penetrans vacua non redibit”⁶⁴. Молитва, простая и свободная от примесей, не только достигает небес, возносясь к небесному престолу в сладчайшем аромате, но возвращается обратно, как корабль под всеми парусами, несущий бесценный груз. Ибо хотя действенность ее святых молитв была известна, и свидетельство тому — телесное здравие тех, за кого они были предложены, но милость и благодать, дарованные ими самой молящейся, неизвестны и оценены ею одною.

Глава V

Строительство дома в Сент-Энтони и многочисленные испытания ее терпения после переезда туда

Св. Павел⁶⁵ учит, что бедствия порождают терпение, терпение — опыт, опыт — надежду, надежда не обманывает, потому что любовь расширяет сердце, и т.п. Воистину можно утверждать, что терпение, надежда и любовь — сцены, которые постоянно разыгрывались в театре ее жизни, или же — три сестры, что всегда сопровождали ее; то одна, то другая вели ее за руку через черную пустошь мирских бедствий. Разные испытания и бедствия последовали за ее возвращением из Асворта в Хитон. Когда она опять приготовила свой дом для божественной литургии и для удобства детей, сэр Ральф Лаусон, который желал продать дом, но не мог это сделать без ее согласия, побуждал ее снизить к его затруднениям, а вместо этого предложил ей другое место, более подходящее для ее замыслов, именуемое Сент-Энтони. Узрите, прошу,

63 Св. Проспер Аквитанский. Сентенции Св. Августина. Кн.1, гл.213.

64 Св. Августин. Толкование на Псалом 118.

65 Рим. 5:2.

движения трех сестер. Испытание явилось в виде смены удобного и довольно хорошего дома на, признаю, гораздо более приятное место, где не было здания, которое ей предстояло построить за собственный счет, а у нее было немного средств, так как в тот момент денег у нее было немного после выплаты нескольких сотен фунтов долгов ее мужа. Тем не менее, терпение даровало ее согласие без ссоры. Надежда и доверие Богу, Который и ранее милостиво помогал ей, придали ей храбрости начать строительство, а любовь, которая открывает и обращает сердца к Богу и ближним, облегчила работу: во-первых, потому, что место было освящено, и в католические времена посвящено Св. Антонию; его изображение поместили на дерево на берегу реки Тайн, для утешения моряков; во-вторых, место было более уединенным, нежели Хитон, и там было больше свободы посещать часовню. Среди всех сестер любовь, госпожа и повелительница всех добродетелей, так повлияла на Дороти, что она немедленно взялась за дело и вложила в строительство более пятисот фунтов стерлингов, а поскольку она предназначала эти деньги в основном для духовных целей, то пригласила мистера Холтби, супериора Ордена иезуитов, заложить первый камень. На стене дома, выходящей к воде, она приказала большими буквами обозначить святое имя Христово⁶⁶, четко, чтобы оно служило морякам вместо изображения Св. Антония. А когда строительство дома было закончено, она посвятила все здание Св. Михаилу и Антонию, а каждая комната (за исключением часовни, освященной во имя Богородицы) получила имя в честь определенного святого.

---

66 Буквы IHS. Именно в таком виде обычно обозначали Святое Имя Христово, почитание которого с конца XV в. развилось в отдельную благочестивую практику, распространенную в пост-Тридентский период.

Место было удобным для удовольствий и приятным для всех удобств: большая, знаменитая река Тайн протекала на таком расстоянии от дома, что не создавала затруднений, но при этом в доме были удобства, связанные с наличием воды. Множество кораблей, которые поднимались по реке в Ньюкасл за углем⁶⁷ (делая ее, таким образом, одним из главных путей в королевстве), проходило в виду дома, и тем не менее, католики могли попасть туда тайным образом, а их никто не видел. Она приказала изобразить Имя Иисусово на виду у всех по двум причинам. Во-первых, ради собственной безопасности и защиты, так как считала себя в наибольшей безопасности под этим знаменем, особенно когда к ней съезжались священники. Так оно и оказалось, ибо хотя некоторые считали, что этот заметный знак разъярит врага и вызовет злобу, ненависть, опасность и дерзкие нападки, для ее маленького убежища этот знак стал буквой Тау⁶⁸ во время жесточайших преследований. Все дома католиков подверглись строгому обыску, а этот его счастливо избежал, а когда в тяжелые времена, почти все остальные были разрушены бедствиями и войной⁶⁹, солдаты всех званий беспрепятственно посещали его из любопытства, пока люди короля (не по злобе, но из страха), сочтя это место подходящим для гарнизона шотландцев, не сровняли его с землей пушечными выстрелами (как мне говорили)⁷⁰. Вторая причина в том, чтобы моряки всех

---

67 С 1530 г. корпорация торговцев из Ньюкасла обладала монопольными правами на торговлю углем.

68 Символ жизни и воскресения.

69 Имеются в виду годы гражданской войны, когда католики в Англии подвергались преследованиям со стороны парламентариев.

70 В 1644 г. Ньюкасл, который с начала гражданской войны удерживался роялистами, был осажден и взят войсками шотландцев. Находившийся на высоком берегу Тайна манор Сент-Энтони сочли потенциально опасным, так как укрепившись в нем, шотландцы могли бы вести огонь по городу.

народов знали, что это — дом католиков, и приходили туда, как они и делали во множестве, ради духовной пищи.

Этот дом она именовала своим раем на земле, и опасалась даже, что радость, которую он в ней вызывает, продлит ее мучения в чистилище. Однако поскольку непогрешимая мудрость Господня избрала ее сосудом, чтобы нести народам Его имя, так он умастил ее смесью мирры и ладана, умерив сладость кислым и уравновесив двумя ударами ее огромное счастье. Первым из них стала смерть ее духовного отца, а она-то желала бы, чтобы тот ее похоронил. Это, по ее признанию, причинило ей больше страданий, вонзившись шипом в ее сердце, нежели упомянутые выше бедствия, которые, как мы видели, были многочисленными и немалыми, если их собрать воедино для сравнения. Мистер Холтби, читвший ее так, как она того заслуживала, решил умерить ее страдания, отправив к ней мистера Генри Мура⁷¹ на место духовника. Он, примерно через год проживания в этом укрытии (узрите новое испытание терпению) был случайно арестован и заключен в тюрьму в Ньюкасле⁷². Это событие разбредило старую, едва затянувшуюся рану, словно бы пронзив ее до самой кости. Тогда к ней направили третьего священника из того же Ордена; он (о странный и непостижимый путь божественного провидения, испытывающий Его друзей в печи огненной!) не успел сойти на берег, как был арестован на борту корабля и отправлен в ту же тюрьму⁷³. Язычник бы сказал, что колесо фортуны

---

71 Генри Морс (1595–1645) — уроженец Норфолка, обращенный католик. Учился в Кембридже и Грейс-Инне, а затем в Английских коллегиях Дуэ и Рима. С 1624 г. — миссионер в Англии; многократно подвергался аресту и высылке из Англии. В 1643 г. его арестовали в последний раз и отправили из Ньюкасла в Лондон, где он и был казнен. Канонизирован в 1970 г.

72 Морс был арестован в 1625 г. и провел почти три года в заключении в Ньюкасле и Йорке.

73 Иезуит Джон Робинсон (ум. 1669).

совершило оборот, а богиня нахмурилась, еретик — что все направляется фатальной предопределенностью, а новичок, непривычный к запутанным путям совершенства — что небеса были оскорблены ею, раз уж это маленькое убежище, выстроенное ею как храм Бога, и опора в ее старости, стало приютом войны и лишений.

Однако щедрость ее понимания не допускала таких дурных мыслей, серафический огонь ее воли не тускнел и не гас, а ее верная память представляла собой благородный и щедрый пример непогрешимого завета Господня. Ибо Господь карает больше всего свое любимое дитя, и счастливы те, кто претерпевают гонения, ибо их царствие небесное. Таковы были ее собственные чувства, а не мои измышления, и я привожу слова в том виде, в каком они вышли из ее уст.

Эти три креста, один за другим, напоминают посланника, спешившего к Иову с подобными посланиями⁷⁴, а ее терпение — его, хотя ей самой лучше известно, что она чувствовала. Я же могу смело утверждать, что внешне она жаловалась не больше, чем он. И каждый, кто, как я, знает страдания от этих тяжелых испытаний и бесконечное уважение, соединенное с любовью и почтением, с каким она относилась к духовному наставнику, не может не сравнить ее испытания даже и с мученичеством, и без преувеличения назвать ее подчинение супериору заслуживающим вечной славы.

Глава VI

Ее следование совершенству, насколько оно относится к внутреннему или созерцательному пути.

Мне выпала участь привести подкрепления в этой катастрофе, и участь тем более счастливая, что была возложена на

---

74 Иов. 1:14-18.

меня приказом святого повиновения. В этом деле или бремени, очень тяжело, признаю, для моих плеч, Господь послал и другое утешение, молитвами ее назначенного духовника, отца Джона Робинсона, предназначенного тогда к мученичеству в Ньюгейте, и Генри Мора, находившегося в той же тюрьме⁷⁵, а впоследствии свидетельствовавшего истинную веру пролитием крови в Лондоне⁷⁶. Оба они за ее многие заслуги стали усердными заступниками перед Господом за нее и ее семью, и я теперь был недостойным ее членом. И я в самом деле, взяв на себя эту обязанность, нуждался в помощи, столкнувшись поначалу с большими трудностями, нежели впоследствии.

Дороти имела искреннее желание быть одинокой черепахой в пустыне и вознестись над собой на новых крыльях созерцания, чтобы достичь своей цели в монашеском одиночестве. В этом важном деле источник всех благ побудил мои мысли к умеренности, чтобы не впасть в опрометчивость. Но после серьезного рассмотрения ее побуждений, приняв совет с учетом суждений более зрелых людей, чем я, в особенности мистера Холтби, близко ее знавшего с момента ее приезда в те края, благодаря постоянной переписке, которую она с ним вела, мы, после должного обращения к Богу и совместного обсуждения, взвесив, с одной стороны, ее годы и плохое здоровье, а с другой — великое благо, которое окажется в небрежении, если она будет уделять внимание только своей душе, решились в Господе нашем, что для Его славы и ее короны будет более выгодным продолжать так, как начала, не только в стремлении к собственному совершенствованию, но также и в привлечении и обретении других. Я, будучи чужаком,

---

75 Генри Морс находился в тюрьме Ньюгейт в 1636 г.

76 Генри Морс был казнен 1 февраля 1645 г. в Тайберне (Лондон).

боялся сообщить ей результат нашего обсуждения, но мистер Холтби успокоил меня характеристикой, какую он дал Дороти, а именно, что она превосходила всего его знакомых (а он имел счастье опираться на пятидесятилетний опыт) в несении креста Христова и почтительному повиновении своим духовникам. Вооруженный этой уверенностью вне моего собственного опыта (в то время) в отношении ее добродетелей, я дал ей не прямой намек на наше мнение, который она, будучи живого ума и быстро все схватывавшей, сразу поняла и приняла, как если бы оно было принесено ангелом от оракула истины, сказав, что полностью удовлетворена. И поскольку она была недостойна сладости роли Марии, то постарается еще больше, чем прежде, подчиниться божественной воле, следуя пути Марфы.

Здесь я сердечно желал бы для остальной части истории позаимствовать перо Цицерона, или, скорее, остроумие Августина, красноречие Хрисолога⁷⁷, уста Златоуста. Ибо теперь я пускаюсь в описание ее добродетелей времен моего ученичества, которое я так называю потому, что хотя повиновение определило меня на семь лет ее штурманом, разница в способностях могла бы сделать ее моим руководителем.

Живой узор истинной добродетели и святости, в котором внутреннее дает силу внешнему, опирается на основу совершенства, а сплести его из тонкой нити значит точно оценить состояние ее души через глубокое вопрошание своей совести. Каждые полгода она готовилась к общему покаянию трехдневным затвором и молитвой, предназначенными для этой цели. Я смею сообщить, что за четырнадцать полугодовых исповедей и три общие (каждая из которых была такой тщательной,

---

77 Петр Хрисолог / Златословец (ок.380–450), епископ Равеннский — богослов, учитель церкви.

как если бы то была ее последняя исповедь) я ни разу ни слышал ничего, что хотя бы отчасти напоминало смертный грех, так что я могу утверждать: она носила крестильную сорочку незапятнанной вплоть до последнего помазания.

Она исповедалась и причащалась Святого Тела Господня каждое воскресенье и по праздникам, если только он не выпадал на день, следующий за воскресеньем, тогда она его пропускала. Чтобы лучше подготовиться к таинствам, она накануне вечером читала главу из золотого трактата, озаглавленного «Подражание Христу»⁷⁸, рассуждая о благочестии и почитении с которыми мы должны принимать животворящую пищу. Она изучала этот труд с таким вниманием и усердием, что, казалось, скорее молилась, нежели предавалась духовному чтению. А когда я спрашивал, почему она так медленно читает, она приводила тому важную причину, используя два простых примера: один — курица, которая клювом измельчает еду для цыплят, но сама ее не проглатывает, а другой — кормилица, которая в собственной субстанции превращает мясо в молоко и кормит им ребенка; так и в чтении такого поучительного трактата мы должны подражать мудрой кормилице, а не глупой курице.

Она преданно служила Блаженной Деве к ее вящей славе — сама Дороти, ее дети, слуги и соседи. Она сама была сестрой Непорочного зачатия⁷⁹, в честь которого она каждую субботу отказывалась от одного блюда, каждый месяц читала устав братства и тщательно соблюдала все его предписания. Она

---

78 «О Подражании Христу» (н. XV в.) — наставление в духовной жизни движения Нового благочестия, многократно переиздавалось в XVI–XVII вв.

79 Конфратернии (братства и сестричества) Непорочного зачатия были широко распространены в Пост-Триденском католическом мире. В XVII в. эта практика пришла и к английским католикам. В Англии она особенно поощрялась миссионерами — иезуитами.

распорядилась записать в братство всех своих детей, как только они становились достаточно взрослыми, и часто сама читала им устав братства, а тех слуг и соседей, каких считала способным к такому благочестию, направляла к своему духовнику для вступления в общину. Наконец, она так высоко ценила власть Девы Марии и силу заступничества перед Сыном, а также Ее милость к грешникам, что, как я часто слышал, говорила: едва ли погибает хоть один из тех, кто когда-либо был под Ее покровительством. Она очень ценила умственную молитву и часто сравнивала ее со звездой, которая привела волхвов к колыбели Христа, и не по измышлениям, основанным на сочинениях святых отцов, но из собственного опыта, утверждая, что молитва служит ей проводником в пути каждого дня, и что от регулирования или правильного распределения ее действий во многом зависел их успех. Хотя болезненность и слабость здоровья позволяла ей проводить в молитве лишь полчаса каждый день, она, тем не менее, отводила большую часть своих дневных одиноких прогулок по дому или саду размышлениям о небесной манне и плодах, собранных ею утром. Это стало известно отчасти благодаря ее громким вздохам, которые слышали другие люди, отчасти — по ее разнообразным позам, которые они замечали, когда неожиданно приходили поговорить с ней — она иногда шла, иногда останавливалась, а иногда внезапно преклоняла колени в соответствии, как мы полагаем, с сутью и разнообразием небесных яств, которые вкушала.

Она молилась, следуя тому же порядку, какой принят у иезуитов: главное чтение — жизнь нашего Спасителя, следуя определенным событиям, в соответствии со временем года, которое я читал каждый вечер после литаний, а по праздничным дням я читал ей на праздник. Она молилась одна в своей

комнате, соблюдая правила подготовки и предварительные стадии, предписанные Наставлениями к молитве.

После моего приезда она добавила к общему вопрошанию совести, какое совершала дважды в год, еще одно, касавшееся обретения той или иной добродетели или борьбы с тем или иным недостатком. И здесь я не знаю, стоит ли мне больше восхищаться ее усердием или смирением. Усердие не только в том, как тщательно она выпалывала из сада своей души плевела малейших несовершенств, но в том, как прививала различные ростки добродетели столь искусно, что казалась ангелом на лестнице Иакова, восходящим от нижней к верхней ступени. Смирение в храбрости, с какой она сообщала духовнику обо всех затруднениях, с какими сталкивалась на пути. И хотя она точно знала длину шага и предмет, о котором ей нужнее всего было поразмыслить, она никогда не пыталась начать, не получив одобрение своему выбору.

Проснувшись, она немедленно посвящала Богу все свои помышления, слова и дела, с утра до обеда, за обедом — до вечера, на вечерне, третий раз — до литаний, а в четвертый раз — до утра, в честь пути, который прошел наш Спаситель, придя от Отца в мир, покинув мир и вернувшись обратно к Отцу. Это не моя идея или украшательство, а ее постоянный обычай, которому придавали форму эти ее намерения.

Помимо этого постоянного упражнения, благодаря которому все ее жизненные движения постоянно переносили ее с земли на небеса, она часто проявляла свои намерения в определенных действиях, подобно хорошему лучнику, который прицеливается, прежде чем стрелять, рассуждая о полезности и необходимости той или иной добродетели, иногда называя ее глазом души, направляющим органы в их действиях, иногда — рукой, которой она обнимает доброе и отталкивает злое, иногда ногами, помогающими ей идти во тьме, подобно

тому, как Св. Григорий⁸⁰, во второй книге морали так говорит о необходимости верных намерений: “Sicut fabrica columnis, columnae basibus innituntur, ita vita nostra in virtutibus, virtutes in intima intentione subsistunt”⁸¹. Подобно тому, как здание не может стоять без опор, так и наша жизнь опирается на добродетели, а добродетели получают твердость из внутреннего намерения.

Из-за этих внешних проявлений мы можем прийти к несовершенному выводу о том, что может постичь только всевидящее око Господне, и несомненно, заключим, что поскольку она созерцала Его в силу этого намерения, а смертное тело препятствовало наилучшим плодам, то теперь, когда это препятствие устранено, она явственно наслаждается Его обществом в блаженном видении.

Подобно супруге, которая сквозь облака видит возлюбленного лишь одним глазом, или же орла, который в тумане не может разглядеть солнца, когда препятствие исчезает, она видит обоими глазами, а орел узревает яркий свет немигающим взглядом.

Глава VII О совершенстве ее внешней жизни

К умственной молитве она добавляла множество молитв произнесенных, и частым подкреплением усилий воли так усовершенствовала свое внешнее благочестивое делание, что оно казалось почти что эманацией внутренней святости и постоянной молитвы. Из сущности и добродетели внутренней молитвы исходили сила и величие, проявлявшиеся вовне, и

---

80 Григорий I Великий (ок.540–604), папа Римский, богослов, один из учителей церкви.

81 Григорий Великий. *Moralia in Job.* 28.12.31.

здесь она полагалась на советы духовника, утверждая, что через него Господь сообщает ей свою волю не только в духовных, но и в мирских делах. Этот благочестивый обычай, судя по его успеху, был вдохновлен Святым Духом и исполнялся более чем тридцать лет, и она обучила ему детей, как своему наследию. Она говорила, что ее всегда ждал успех, если она следовала советам духовника, даже вопреки здравому смыслу и советам других, знатоков в делах такого рода. Дороти так строго следовала этому правилу, что когда она советовалась со мной делам землелепашества и тому подобного, в чем я мог признать свое невежество, не краснея, мне много раз приходилось, зная ее упорство, просить время на размышление, советоваться с кем-то знающим, чтобы не совершить ошибки, и приводить их решение как свое мнение.

Она устроила жизнь в своем доме, или, скорее, внешнюю структуру своего духовного здания поучительным и достойным подражания образом. Ее капелла была строгой и богато украшенной. Алтарь был украшен различными покровами по обычаю католических стран. Месса по утрам; вечерня после обеда, около четырех часов, с литаниями Лорето⁸², чтобы верить заступничеству Святой Девы безопасность ее дома, и De Profundis⁸³ за умерших верных; между восемью и девятью вечера — литании святым, на которых присутствовали все ее слуги. По праздничным дням они также ходили на мессу и вечерню, а если утром не было проповеди, после обеда устраивали классы катехизиса, на которые приглашали детей соседей вместе с домочадцами, и сама Дороти всегда

---

82 Лорето — город в Италии, близ Анконы, один из паломнических центров католического мира. Считается, что в Лорето чудесным образом перенесся дом из Назарета, где росла Дева Мария. Подлинность святыни подтверждалась папскими буллами (Сикста IV от 1491 г. и Юлия II от 1507 г.).

83 Из глубины взываю к Тебе, Господи (Пс 129:1).

присутствовала, радостно слушала их ответы на вопросы и дарила медали и изображения *Agnus Dei*⁸⁴ тем, кто отвечал лучше всех. На Страстной неделе она соблюдала в капелле все церемонии, подобающие этому благословенному времени.

В среду, к вечеру, начиналась служба *Tenebrae*⁸⁵, с символическим возжиганием пятнадцати свечей, четырнадцать из которых, задуваемые, обозначали апостолов и учеников, отрекшихся от Христа, а пятнадцатая, сверху, которую не задували — Его дорогую Мать, которая от зачатия до колыбели, от колыбели и до Креста не расставалась с Ним.

В четверг ставили гробницу⁸⁶, украшенную драгоценностями; ее день и ночь с благоговением посещали домочадцы и соседи. В пятницу — поклонение кресту, который она, целуя, омывала слезами. В субботу она приказывала потушить весь огонь в доме и зажигала его опять от освященного пламени; затем следовало благословение пасхи и прочие божественные церемонии, до мессы. Во время мессы, когда священник произносил *Gloria in excelsis*⁸⁷, снимали покров с алтаря, и множество приготовленных для этого колокольчиков звонили в подражание тому, что с большей торжественностью происходит в католических странах.

В воскресенье, после божественной литургии, благословляли различную пищу, и в память об Агнце, принесенном в

84 Восковые оттиски с изображением Агнца Божия.

85 Темная утренняя (лат.) — утрени Великого Четверга, Великой Пятницы и Великой Субботы на Страстной неделе.

86 По английской до-реформационной традиции, на Страстной неделе, в Великую пятницу, в приходских церквях распятие и гостию в дарохранительнице помещались в «гробницу» как символ смерти воскресения Христа. Обычно «гробница» в церквях представляла собой нишу в северной стене нефа. После Реформации, когда католическое богослужение переместилось в частные дома, «гробницы» стали отдельными сооружениями.

87 Слава в вышних Богу, или Глория — богослужебный гимн.

жертву на кресте двумя днями ранее, всегда освящали часть бараньей туши. Наконец, те, кто собирался в тот день на пасхальное причащение, а таких порой набиралось под сотню, бывали (как мы говорим) приглашены вместе с ней сломать шею посту, в честь славного и радостного воскресения Христова.

Рождество Христово она праздновала под обоими видами, задавая крестьянам и соседям телесный и духовный пир, а ее благочестие не отделяло ее от соседей, так как могло пойти им во благо. Да, я знаю тех, кого ее щедрое гостеприимство обратило в истинную веру, а ученые не могли их к тому подвигнуть знаниями и тонкостью доводов. Она проводила канун праздника, с восьми вечера до двух утра, в молитве: литании начинались в восемь, сразу за ними — исповедь, которая вместе с проповедью продолжалась до двенадцати; затем служили три мессы, а по их окончании все разговлялись рождественским пирогом и отправлялись по домам.

В это время светлой радости от рождения Того, кто есть исток всякого утешения, она позволяла себе расслабиться отойти от строгости правил, но так ненамного, что у меня нет подходящего сравнения для описания, если только не вспомнить о том, что философы зовут атомами или неделимыми частицами. Если в другое время она никогда не играла в игры за деньги, но только за молитвы, час между обедом и ужином, то на Рождество она позволяла себе каждый день играть два часа после каждого приема пищи и ставила шиллинг, играя с друзьями, чтобы развеселить их. Это было чистое развлечение, ибо если она проигрывала, такая потеря не беспокоила ее, а если выигрывала, то складывала деньги в кошель и после праздников раздавала бедным сверх обычной милостыни.

У нее была комната рядом с часовней, с вертепом, там играла музыка, чтобы почтить радостный праздник, а на Рождество — музыканты в ее большом зале и столовой для

увеселения друзей и слуг. Она любила смотреть, как они танцуют, и говорила, что в ее присутствии танцоры и певцы выказывали больше скромности.

Если кто-либо собирался примириться с церковью, она исполняла роль катехизатора, так что мне не нужно было делать другой работы, кроме как принимать их исповеди. Если женщина рожала или кто-то заболел, ничто — ни дела, ни погода, ни час, будь то день или ночь — не могло ее удержать. Более того, она часто уезжала больной, а возвращалась здоровой, так что у нас это вошло в поговорку, и мы в таких случаях ее не удерживали. Она всегда утешала рожениц двумя способами: мощи для души и, если они были бедными, лекарства для тела. За это ее высоко ценили соседи, которые говорили, что не боятся, если с ними миссис Лаусон. Если кто-нибудь скажет, что это лишь заблуждение женщин, к каким склонен этот пол, опрометчивый, если не суеверный, я могу правдиво ответить, что пока я жил у нее — увы! Всего семь лет (потом она умерла) — ни один человек из ее прихода, мужчина или женщина, не ушли из жизни без того, чтобы она нанесла им визит, а младенец — без крещения.

Я не могу пропустить шутку или дьявольский розыгрыш: когда она поехала верхом к строму слуге, отпавшему от веры и смертельно заболевшему, то была поражена, как все считают, ударом врага добрых дел, упав с лошади на всем ходу, но встала, обратила жалкого отступника, а после того, как вернулась домой, заметила, что вывихнула мизинец, на что не обращала внимания целых шесть часов.

Ее гостеприимство щедро изливалось на бедняков, как тех, кто дал обет, так и нуждавшихся. Она принимала их, кормила голодных, одевала нагих, а поскольку сама была вдовой, всегда имела кошель с двухпенсовиками для вдовиц. К тем же, кто давал монашеский обет добровольной бедности и

рисковал собой ради обращения других, она была так щедра, что нуждалась в узде, а не шпоре. Она снабдила уже упомянутых узников Ньюкасле церковными облачениями и утварью, стирала их белье, обеспечивала одеждой и едой, и хотя было известно, что мистер Мор — ее человек, она, предпочитала его удобство своей безопасности, посещала его в тюрьме и просила магистрата, чтобы тот дал ему возможность жить в городе из-за плохого здоровья. У ее духовника было все необходимое монаху. Ему предоставляли хорошую комнату и библиотеку, снабжали всем необходимым, любезно и щедро, и, по обычаю коллегий, она давала ему *viaticum*⁸⁸, когда он уезжал из дома, а остаток он возвращал, когда приезжал домой. Я могу поклясться, что на протяжении семи лет я не знал, сколько денег она клала в кошель, когда я отправлялся в путь, а она не проверяла, сколько я потратил, когда я отдавал его ей по возвращении. Более того, она каждый год жаловала супериору Ордена на благочестивые цели десять фунтов, а также десятую часть улова лосося.

Мои рассуждения об этой добродетели могут разрастись до большого трактата, но поскольку я скорее буду обитать с ней в небесах, нежели на земле, я закончу рассказ о ее бесконечной щедрости кратким упоминанием об одном событии, от которого она получила такую радость и удовольствие, что, по ее словам, это продлило ей жизнь.

Каждый год полдюжины иезуитов в течение восьми дней выполняли в ее доме духовные упражнения⁸⁹ по форме и по

---

88 Здесь — запас провизии и/или денег, выданный путешественнику на дорожные расходы.

89 «Духовные упражнения» Св. Игнатия Лойолы — молитвы, медитация и размышления, которым выполняющий размышления должен был предаваться в течение 28 или 30 дней, чтобы понять волю Божию относительно его / ее жизни или принять важное решение. Иезуиты были обязаны регулярно выполнять «Духовные упражнения» раз в несколько лет. Обычно для

правилам коллегий, а она предоставляла для этого облачения, рефекторий⁹⁰, пивные кружки, тарелки для закусок, основных блюд и десертов, собственноручно разрезала им еду и отправляла к столу, подобно услужливой и благочестивой Марте, и как раскаявшаяся Магдалина (к чьей возвышенной роли ее приспособила природа) каждый день слушала все мессы. Она так ценила этот благочестивый обычай, которым, по причине опасности и больших расходов, скорее восхищались, нежели подражали ему, что, когда я спросил, не слишком ли ей хлопотно, она ответила, что вряд ли что-то огорчит ее больше, нежели утрата этого утешения. Она совсем не считала его хлопотным, и полагала большим благом, если иезуиты оставались у нее на день дольше для отдыха после уединения и позволяли ей обедать с ними в рефектории. Обед устраивался, как у них принято, с обычными чтениями и службой, и единственным исключением был бокал вина, который подавали каждому. Вечером она устраивала пир для всех домочадцев, а утром отцы уезжали с апостольским благословением “*Rex huic domui*”. «Мир этому дому».

В управлении домом ее власть, рассудительность, любезность и серьезность были таковы, что каждый любил ее со страхом и страшился с любовью. Она давала слугам больше мирских благ, чем была обязана, как щедрая госпожа, а также даровала поддержку и удовлетворение в делах духовных как друзьям и равным ей, часто рассказывая служанкам жития святых и читая им наставительные книги. Слуга ее свекра говорил мне, что его обратили в католическую веру истории из

этого они удалялись в специально предназначенные для этого обители. В протестантской Англии вместо этого им приходилось пользоваться гостеприимством дворян-католиков.

90 Рефекторий — трапезная в монастыре. Здесь — покои, отведенные для трапезы иезуитов.

Ветхого завета, которые она рассказывала, когда он ехал перед ней из Нортумберленда в Холдернесс, и добавил, что ни одно путешествие до и после не приносило ему такой радости. В пути она так много думала о благочестии, что даже когда просто гуляла, вспоминала литании Лорето, которые проносила вслух, если была в подходящем обществе, а если нет, проговаривала их про себя.

Простите мое отступление. Оно происходит от слабости моей памяти, ошеломленной множеством совершенств: чем глубже я погружаюсь в ее жизнь, тем быстрее они вспоминаются, как сильное течение, сдерживаемое четырнадцатилетним молчанием. Вернемся же и посмотрим на ее манеру управления. Она держала всех слуг и детей в строгом порядке. У детей, пока они не выросли, был учитель человеческих наук, и священник для христианского учения. Слуг не перегружали избытком дел и подбирали занятия, подходящие их способностям, часто проверяли и навещали за их делами. Каждый вечер она совещалась с тем, кто отвечал за ее поля, узнавала, что он делал днем, и за что ему предстояло взяться наутро. Слуге, отвечавшему за продажу товаров на рынке, она давала приказы вечером, чтобы он успел выполнить их утром. И чтобы Господь благословил ее замыслы, утром и вечером она, преклонив колени, вверяла дом и себя славной Деве, прося о благословении для всех в краткой, но страстной мольбе: «Благословенная Дева со своим добрым Сыном, благословите нас этим днем, или этой ночью. Аминь».

В запасе я держу ее почитание святых покровителей, корону и завершение ее устных молитв, или, скорее, соединение умной и устной молитвы.

Чтобы заниматься дневными делами с большей живостью и рвением и обрести больше благодати, помощи и покровительства этих счастливых душ, в тот момент, от

которого зависит вечность, против нападений общего врага (который выказывает наибольшую злобу и придумывает коварнейшие замыслы, когда человек слабее всего), она посвятила им всю жизнь, а точнее, каждый день недели, произнося антифоны и коллекты их праздников, ради исполнения дневных дел и моля о получении определенной добродетели их заступничеством. Воскресенье — трем лицам Троицы, моля их об истинной стойкой вере. Понедельник — Св. Игнатию, основателю святого ордена Иисуса⁹¹, и славной Св. Тересе⁹², моля о подчинении духовникам. Вторник — ангелу-хранителю (в честь которого она также ежедневно произносила молитвы), моля о духовной и телесной чистоте. Среду — Свв. Франциску Ксаверию и Монику⁹³, моля о душевном рвении, особенно у ее детей. Четверг — Свв. Иоанну Крестителю и Доротее⁹⁴, прося о благоговении перед святым причастием. Пятницу — Свв. Петру и Марии Магдалине, прося о желании пострадать за Христа. Субботу — Св. Иосифу и его Деве-супруге (которой она каждый день произносила молитву о Ее непорочном зачатии), о смирении. Причина, по которой она предпринимала это благочестивое упражнение заключалась в том, чтобы восполнить ее природные недостатки святой монетой ежедневных молитв. Опыт показывает, что падшей природе приятнее всего разнообразие и новизна. Ибо хотя Господь, создавший нас для почитания и служения в этом мире, чтобы мы могли возрадоваться с Ним в мире будущем, всегда одинаков

91 Св. Игнатий Лойола (1491–1556) — богослов, основатель Ордена иезуитов. Был канонизирован в 1622 г.

92 Св. Тереса Авильская (1515–1582) — монахиня-кармелитка, автор мистических сочинений, реформатор ордена кармелиток и основательница ордена босоногих кармелиток.

93 Св. Моника (331–387) — благочестивая вдова, мать Св. Августина, способствовавшая его обращению в христианство.

94 Св. Доротея Кесарийская (ум. 311) — христианская мученица.

подобен себе, чтобы ему служили без принуждения с Его стороны и упущения с нашей, мы так сильно впадаем в лень и оцепенение, склоняясь к полному упадку, что баз нового побуждения пламя нашего благочестия со временем гаснет или становится заметно менее совершенным.

Глава VIII Ее болезнь и смерть

Ее великие и многочисленные заслуги перед Обществом обязали меня благодарностью искать способ отплатить ей, и потому я побудил супериора (согласно похвальным обычаям монашеских орденов по отношению к особым благодетелям) даровать ей привилегии Общества и сделать ее опосредованной сопричастницей их трудов, как если бы она была его членом, но что он с радостью согласился, используя всю свою власть.

Когда я сообщил ей об этих неожиданных новостях, ее глаза наполнились слезами радости, а из ее уст, сдержанных и несклонных к болтовне, вырвались слова старца Симеона «Ныне отпускаеши раба твоего с миром»⁹⁵, и я скажу, не греша против скромности, сравнив перемену, или новый блеск в ее внешности с известным воздействием, какое восход солнца оказывает на мир, или благовонное масло, умастившее бороду Аарона и распространившее благоухание на все его тело⁹⁶. Она относилась ко всем монашеским общинам с любовью и почтением, но была особенно предана Обществу, и так возрадовалась от получения этой привилегии, что, на вечную память об этом, выразила старшему сыну, которому после ее смерти должен был достаться манор Сент-Энтони, свое

---

95 Песнь Симеона Богопримца (Лк.2:29-32), часть католической литургии.

96 Пс 132:1.

пожелание: чтобы он предоставлял манор в распоряжение иезуитов также свободно, как это было при ее жизни. Она сказала другим детям, что ради них она не дает больше Ордену, которому так обязана, побуждая их продолжать оказывать иезуитам почитание; потому что за средства, выделенные им из естественной обязанности, дети были обязаны благодарностью, а тем, от кого она получила такое благо, доставалось совсем немного.

Семь лет прошли в таком божественном порядке, под моим направлением, и Господь увидел ее созревшей по плодам, а не по возрасту, и посетил ее такой болезнью, которая, если верить Григорию Великому, есть очевидное свидетельство Его любви и ее предопределения. Господь приходит, говорит этот доктор, когда спешит судить, он стучит, указывая на приближение смерти от болезни, мы открываем дверь, принимая его, “*Venit Dominus, etc.*”⁹⁷, и это буквально проявилось в ее долгой болезни и счастливом уходе из этого мира. Господь не явился к ней внезапно, не застал ее врасплох (и уж тем более неготовой). Он постучал и дал ей более шести месяцев срока в чахотке или легочном кашле. Она же, ожидая Его приход с отрешенным терпением Юдифи и неустанной любовью Иакова, распахнула двери в сад ее души, чтобы Он мог войти и сорвать посаженным Им плод.

Я не без оснований истолковываю ее любовь и терпение обращением к этой несравненной паре, ибо когда она поняла, что мы, использовав человеческие средства, безрезультатно добивались ее выздоровления молитвами, паломничествами, покаянием и раздачей милостыни, то, полностью подчинив свою волю Богу, отвечала: «мы не должны искушать Бога

---

97 «Грядет Господь» (лат.) — срока антифона.

подобно жителям Бетулии⁹⁸, или же устанавливать время для Его планов, но вместе с Иаковом считать, что слишком мало страдаем ради небесного супруга».

Теперь же ее добродетели развернули знамена и стали более заметными в конце битвы в виду триумфа, подобно кораблю, который, благополучно завершив опасное путешествие, входит в гавань под полными парусами, с развевающимися флагами, выказывая благодарность небесам и бросая вызов врагам на воде и на земле. Ее смирение, сильное, словно камень, основание для всех остальных, позволяло ей так низко ценить себя в жизни и смерти, что не только считала все, что ей давали ради ее здоровья, слишком хорошим и дорогим, но также убеждала меня умерить расходы на ее похороны.

Ее терпение выдержало множество испытаний, когда она безропотно принимала (хотя и имела тонкий вкус и деликатный желудок) бесконечное число отвратительных лекарств, которые она подслащала сладким и вкусным средством — сильной волей, благодаря которой принимала каждое лекарство в честь одной из тайн Страстей Христовых.

Ее отрешенность лучше всего доказывают ее же слова, которые я часто слышал из ее уст, а именно: «Господи, распорядись мной по своей воле, помести меня туда, куда пожелаешь, чтобы я не могла оскорбить тебя». Я дважды спрашивал ее: «Что, если Он отправит вас в ад?». Она отвечала: «да, сэр, в ад, чтобы я не могла оскорбить Его».

Ее повиновение было восхитительным, а врачи, которые понимали природу ее болезни, тоже считали его чудесным. Я полагаю, что достойное восхищения и редкое качество — в течение семи лет, что я беседовал с ней, давал ей советы в

---

98 Жители Бетулии, отчаявшись, решили сдаться Олоферну: Иудифь. 7:6–32.

духовных и мирских дела, больших и малых, мне никогда не приходилось давать один и тот же совет дважды, за исключением распоряжений ее личным состоянием по завещанию, в котором она, по моему мнению, слишком много взяла у детей ради своей души, и чтобы умерить это, я дважды с ней говорил, чего мне не приходилось делать ни до, ни после этого. Врачи и доктора, которых можно было найти в то время в ее местности, клянутся, что ее повиновение, о котором я расскажу, чудесно и превосходит возможности природы. Все шесть месяцев болезни я был у нее, пропустив лишь одно утро. Я также посещал ее около четырех часов и желал ей, из-за за почтения и любви, какие она всегда выказывала святому повиновению, настроиться на сон и в подчинении духовнику практиковаться в этой добродетели, что в тех обстоятельствах шло на благо душе и телу: душа, заключенная в темницу плоти и крови, не могла действовать самостоятельно, без достаточной силы тела. О восхитительная сила подчинения! Как только она слышала этот совет, для нее звучавший предписанием, она надолго засыпала, как бы ни спала ночью, хорошо или плохо, и так все дни, кроме последнего, накануне смерти. Благодаря этой добродетели она, по всеобщему мнению, прожила на день дольше, чем позволяла природа: не то чтобы она стремилась к долгой жизни, но мы все ждали, что она умрет в Вербное воскресенье, так как из часов (по нашему мнению), просыпался уже весь песок. Она же молила жизнь задержаться на день, чтобы исполнить церковные правила, которые предписывают в это время принять ежегодное причастие, и скончалась на следующий день. Ее любовь, подобно кедру, возвышалась надо всем, не склоняясь с высот к глубине несовершенства ближних. Она позаботилась обо всех детях, обеспечила им достаточные средства для жизни, заботилась о слугах и соседях, отписав им многое в завещании,

позаботилась о своей душе, раздав двести фунтов на благотворительные цели, наконец, позаботилась о тех, кто находился вне истинной церкви, с таким пламенным рвением и сочувствием, что вела долгие горячие беседы по вопросам религии, когда уже с трудом могла выговорить слово о земных делах.

Проявляя эти добродетели перед смертью, она словно бы вспоминала сладкозвучную речь Св. Бернарда⁹⁹ и украшала ими знамя Христово: ноги — смирением, правую руку — повинованием, левую — терпением, а любовью, прекраснейшей короной и диадемой — главу.

Теперь же я подхожу к ее смерти (драгоценная смерть в глазах Господа), хотя я желал бы, чтобы она уплатила мне этот долг, если бы ее жизнь стоила так немного, как моя. Я помазал ее миром за шесть дней до кончины и, опасаясь, что она умрет, а мы и не поймем этого, как часто случается при ее болезни, постоянно, день и ночь говорил с ней, почти без перерыва.

Как только она получила последнее помазание, то обратилась с вдохновенной речью к детям, друзьям, слугам и мне недостойному, увещевая всех любить Бога и друг друга, моля о прощении всех своих проступков, от всего сердца прощая всех, согрешивших против нее, вверяя детей Богу так же свободно, как Он дал их ей, советуя им принять монашеские обеты, если у них есть призвание, а если нет, жить в тех домах, где есть иезуиты. Эти и бесконечное множество других свидетельств, словно огненные стрелы, слетали с ее языка в их смягченные сердца, погружая их в океан слез и делая их податливыми, как расплавленный воск, готовый к оттиску. И в самом деле, все стремились не упустить ни слова из тех, что должны были стать последними, вздохи сменялись тишиной,

---

99 Св. Бернард Клервосский (1091–1153) — монах-цистерцианец, аббат монастыря Клерво, богослов, мистик, проповедник крестовых походов.

слезы — вниманием, и каждый слог, слетевший с ее бледных уст, был отчетливо воспринят всеми присутствовавшими. Как только было произнесено последнее слово этой прочувствованной проповеди, горе всех излилось с такой страстью, что я, будучи более сдержанным, чем остальные, ради ее покоя велел им уйти. После того, как закончилась эта утренняя сцена, с нашей стороны, не с ее, ибо она возрадовалась, когда я сообщил, что раздавал причастие, она смиренно просила в оставшиеся ей часы жизни принять Того, к кому так спешила. Я не видел причин препятствовать ей, зная ее чистоту, а также и то, что ни один заяц в смертельной опасности не бежит так к норе, и ни один солдат, обожженный солнцем на марше, не стремится так утолить жажду, как она — омыться в источнике жизни. Я причащал ее двенадцать дней, в час утра, и мы, присутствовавшие при том, отмечали, что хотя до того она не могла спать, после причастия она мирно отдыхала в течение часа, в естественном или сверхъестественном (Бог только знает) созерцании сна.

Когда она причащалась, то молилась о следующем: о католической церкви, своих духовниках, живых и мертвых, детях, слугах, благодетелях, друзьях и врагах, хотя я не слушал, чтобы она имела врагов, кроме тех, кто был противником истинной веры.

В ночь на Вербное воскресенье, которое в тот год выпало на Благовещение Девы Марии, посланник смерти принес последний призыв такой сильной агонией, как если бы ее Супруг готовил новую битву. Я разбудил всех в доме, но она не умерла внезапно, так как Господь, услышав ее прежнюю молитву (т.е., чтобы ее духовник присутствовал при ее кончине), продлил ей жизнь до полудня, а дети, слуги, друзья и еще один священник, помимо меня, со слезами преклонили колени у ее постели. Я, зная о ее совершенстве и святости

превыше обыкновенных, составил особую молитву для ее утешения, добавляя божественные слова к обычным. О, как много чудес совершила она до смерти! Ослабевшая рука, которая уже несколько дней не могла удержать ложки бульона, в течение четырех часов без перерыва держала распятие и без помощи поднимала его ко рту не менее сорока раз, как если бы в распятии была собственная сила, возносившая его к ее рту, или же магнетическая сила ее уст, горевших небесным огнем, притягивала распятие. Она желала, чтобы ее агония была атакой же горькой и полной страданий, как мученичество, не в надежде или страхе воздаяния или наказания, но из более благородного побуждения, в смелом желании подражать Христу, искупившему грехи человечества. «Теперь, — говорила она, — она убеждена (хотя, будучи здоровой, несколько сомневалась в этом), что ее исповеди были истинными, и почувствовала, как душа наполняется божественными посещениями, преодолевая отмерянные ей земные страдания». Она получала помощь святых покровителей, посещавших ее так явно, как если бы она и в самом деле их видела (а мы подумали, что так и было), особенно Богородицу, которую она почитала от первых проблесков разума сразу после Господа. Наконец, чтобы предварить венец этой истории, заслуживающий того, чтобы записать его алмазным пером в храме вечности: когда она достигла последнего отрезка пути, лишившись речи и, по нашему мнению, неспособная сделать знак, то, когда я обращался к Богу с прошением, она поднимала руки и открывала глаза, словно бы труп, возвращенный от смерти к жизни. Поистине, я не могу припомнить ни одной добродетели (а в своем перечислении я привел почти все), которые она не проявила бы в том состоянии, по крайней мере, в умственном расположении, и выказывала их каким-либо видимым знаком. Когда мы уже решили было, что эпилог окончен

и пора задергивать занавес, и уже было закрыли ей глаза, она, к нашему изумлению, подняла руку и благословила нас большим знаком креста, затем произнесла или повторила животворящее имя Иисуса ради прощения последних грехов и, словно на праздник, с именем Иисусовым на устах и радостью на душе она мирно скончалась около двенадцати часов в 1632 году от рождества Христова, в возрасте пятидесяти двух лет. «Дорога в очах Господних смерть святых Его»¹⁰⁰.

Тайное отпевание совершилось тем же вечером, около одиннадцати часов в том же месте, где она умерла, в присутствии сотни католиков, духовно зависевших от нее. Старший сын, чья жизнь, словно феникс, рожденная из ее пепла, также заслуживает публичного повествования, приказал с честью похоронить ее в церкви Всех Святых в Ньюкасле, утверждая, что таким празднеством не нарушает ее завета мне, потому что расходы понесет он, а не она. Я с радостью согласился, и похороны прошли следующим образом.

Глава IX

Ее похороны и удивительные свидетельства ее святости.

Ее сын задумал похороны с размахом, соответствующим званию Дороти, а также его любви и почтению к дражайшей матери. На следующий день после ее смерти пригласили всех соседей-дворян, и для них был приготовлен обед. В тот день бедняков того и соседних приходов оделили едой, а на следующий день — деньгами. Во второй половине дня из Ньюкасла прибыли несколько лодок, полные людей, и для них был устроен банкет. Когда мирские проявления почтения завершились, мы вечером доставили тело в Ньюкасл, в ее собственной лодке, в сопровождении еще по крайней мере двадцати

---

100 Пс 115:6.

других лодок и барж, а всадников по обоим берегам реки было в два раза больше, до тех пор, пока они не прибыли в город. Там обнаружилось, что улицы освещены факелами, как если бы был полдень. Магистраты и олдермены, с лучшими людьми города, по рангу уступавшему лишь Лондону, ждали гроб у пристани. Гроб был накрыт покрывалом из тонкого черного бархата с белым атласным крестом; несли гроб к дверям церкви, где с церемониями, поразившими всех (и никто, из любви к ней и из страха перед ними, не посмел возражать) передали его католикам, которые, с другим священником (ибо я был недостойн этой чести), с католическими обрядами опустили его в могилу. Между тем, одного дворянина назначили проводить дам и магистратов на роскошный банкет в лучшем доме города, и там они ожидали, пустившись в рассуждения о ней и вознося ей хвалы, пока все не окончилось в церкви. Затем к ним вышел ее сын и, в слезах, и не заботясь о красноречии (если только не считать красноречием обливаться слезами в такое время), поблагодарил их за их благородные поступки.

Разные свидетельства ее святости

Славен Господь своими святыми, говорит Святой Дух, являя в их сверхъестественных действиях свою любовь к ним и общее попечение обо всем мире.

Любовь, потому что, хотя они созданы природой в грубом физическом теле, Он наполняет их благодатью, что богословы называют *Gratum faciens*, делает благодатными, и изначально грешное создание творит заново, несравнимо лучшим, святостью и добродетелью.

Попечение о мире, так как они возвышаются другой благодатью, именуемой *data gratis*, данной им безвозмездно, чтобы действовать во благо в делах, которые превыше всех

властей, кроме высочайшей. Это неисчерпаемое сокровище было дано нашей славной святой, и проявило ее очевидную святость несколько раз, до и после ее смерти. И если я не позволю себе сообщить о них, точно зная о чудесах, то не выполню обязательство почтить ее заслуги, и дать миру отчет о них, если я попытаюсь увидеть в ней иную земную волю, а не Божественную.

Первый случай имел место за 20 лет до ее смерти; ее муж увидел ее в двух местах одновременно. Желая посмотреть, как она занимается домашними делами, поскольку она делала это очень хорошо, он однажды, проходя, увидел ее на кухне среди слуг и отправился сразу в свою комнату, куда вела единственная лестница. Там он с изумлением обнаружил ее стоящей на коленях. И после этого он заявил, что не считает время, проведенное ею в молитве, утратой для домашнего хозяйства.

Второй случай. Через несколько лет, будучи опасно больной, она предсказала собственное выздоровление, а также, что при ее жизни в Англии появится конфессия подобных католикам, но не католическая. И то, и другое вышло, согласно ее предсказанию, ибо Господу было угодно, чтобы она оправилась от этой болезни, хотя все врачи отчаялись, за исключением одного, мнение которого основывалось на вере в благодать Господа, Кто не стал бы лишать множество детей такой матери. А лет через двенадцать в тех местах появились арминиане¹⁰¹, с алтарями, распятиями, свечами и другими

---

101 Арминианизм (по имени голландского богослова Якоба Арминия) — направление протестантского богословия, утверждающее, в полемике с кальвинистским учением об абсолютном предопределении, важнейшую роль свободной воли в деле спасения. Английские арминиане придавали большое значение церковным церемониям и обрядам Церкви Англии, считая, что во внешнем благочестии зримо проявляется благоговение, которые христиане должны испытывать перед Богом и Его таинствами.

церемониями Римской церкви, однако подобные прекрасным гробницам, красивым снаружи и отвратительным внутри, и на самом деле совсем непохожие на нее.

Третье. Сразу после ее смерти я услышал мелодичную музыку, подобную той, что звучит у францисканцев в Сент-Омере, однако теперь это было пение поминальной мессы. Никто сказал мне, что дело тут в недостатке сна, и, устав от бдения у ее постели, я принимал шум над водой за музыку. Я же ответил: «нет, я отличаю шум на реке от музыки и не могу сравнить ее ни с чем иным, нежели с той, какая есть у святых братьев в Сент-Омере, а я ее часто слышал, так как она доносилась из монастыря в Английскую семинарию». Это странное и примечательное обстоятельство, а для того, чтобы я поверил в подлинность этого чуда, появилась музыка, которой я не слышал по крайней мере, восемнадцать лет. Не могу я представить и публичной тому причины, кроме как особое почитание, какое она испытывала к серафическому патриарху и основателю этого ордена, в праздник которого она постоянно причащалась. Похоже, Господь порадовал ее пением монахов, как Он порадовал ее добродетельную и благородную сестру, леди Фейрфакс из Гиллинга¹⁰², игрой на инструментах. Ибо свидетель, мистер Джон Кресуэлл¹⁰³, джентльмен безупречной репутации, которого я часто и с пристрастием расспрашивал, заверил меня, что сразу после смерти леди Фейрфакс он отчетливо слышал музыку, которая, как он

---

102 Кэтрин, урожд. Констебл (1579–1627), дочь сэра Генри Констебла и Маргарет, урожд. Дормер, старшая сестра Дороти Лаусон. Жена (с 1594 г.) сэра Томаса Фейрфакса (1575–1636), 1-го виконта Эмли (в Ирландии), парламентария и члена Совета Севера, сына сэра Уильяма Фейрфакса из Гиллинга (Йоркшир) и Джейн, урожд. Стейплтон.

103 Вероятно, родственник иезуита Джозефа Кресуэлла (1557–1623), ректора Английской коллегии в Риме и вице-префекта английских иезуитов в Испании.

полагал, могла производиться никаким другим инструментом, кроме лютни, и, тщательно расспросив всех в доме, узнал, что никто из бывших там не играл на лютне, а рядом с ее покоем не звучало ничего, кроме вздохов и слез от утраты такой достойной дамы.

Четвертое чудо. Через три года после ее смерти я одолжил четки, которые Дороти обычно использовала и сняла со своей руки утром перед смертью, женщине, умиравшей от лихорадки. Та внезапно поправилась и приписала свое выздоровление, после Бога, заслугам Дороти. Эти четки духовник Нидсдейла¹⁰⁴ хранит как особую реликвию и держит ее среди драгоценнейших сокровищ госпожи.

Теперь мне надлежит подвести мой рассказ к завершению, хотя мое мысленное восхищение ее несравненными добродетелями будет бесконечным. Поскольку бедствия нашего времени и неустроенность моей собственной жизни лишили меня того, что я хранил как памятники ее святости, я могу лишь почитать обратившиеся в пыль остатки счастливых воспоминаний о ней и почтительно просить ее заступничества на небесах за меня и ее домочадцев.

Laus Deo Semper.

